

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ТРАДИЦИИ
ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ: «БЛУДНЫЙ СЫН» В ПОСЛАНИИ АЛЕКСЕЯ
МИХАЙЛОВИЧА К А. Л. ОРДИНУ-НАЦОКИНУ

«А он человек молодой... полетав довольно...

он к вам вскоре возвратитца...»

(из Послания царя Алексея Михайловича
к боярину А. Л. Ордину-Нащокину. 14 марта 1660 г.)

Евангельская притча о блудном сыне (Лк 15: 11–32) по праву считается одной из самых популярных, о чем свидетельствуют ее многочисленные интерпретации в разножанровых по своей природе произведениях мировой литературы. Для русской же литературы на протяжении всего ее исторического развития притча стала одной из художественных доминант, определившей поэтику ряда произведений как средневекового типа, так и литературы Нового времени [«Вечные» сюжеты русской литературы; Словарь-указатель сюжетов и мотивов, с. 25–26; Чернов, с. 151–159; Есаулов, с. 25–31; Габдулина, с. 135–150]. Причины устойчивого интереса автора к евангельскому сюжету объясняются тем, что он в аллегорической форме утверждал «вечность, непреложность гармонии, долженствующей существовать в отношениях между человеком и Богом-творцом: искреннее покаяние возвращает человека к Богу, а милосердие Божие избавляет людей от самого страшного греха — греха отчаяния» [Демкова, с. 139].

Переходный период русской литературы (вторая половина XVII — первая треть XVIII в.), как известно, демонстрирует несколько вариантов интерпретации евангельского сюжета, представленных в анонимных повестях второй половины XVII в. («Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Фроле Скобееве»), в ранней русской драматургии (Симеон Полоцкий. «Комедия притчи о блудном сыне»), беллетристике петровского времени («Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли», «Повесть об Александре, российском дворянине»). Популярность притчи в переходный период русской культуры объясняется не только литературными обстоятельствами, но и общекультурными изменениями, поколебавшими средневековые представления о человеке и пределах его свободного волеизъявления. Как неоднократно отмечалось в ряде исследований [Лихачев; Ромодановская; Сазонова], XVII в. открыл человеческую индивидуальность, породил новый тип героя — авантюриста, преследующего свои личные цели и нарушающего семейно-родовые нормы.

Эпистолярные сочинения царя Алексея Михайловича, который в ряде моментов своей государственной деятельности сам предстает реформатором и новатором, также органично вписываются в традицию осмысления евангельской притчи о блудном сыне в условиях литературы переходного времени. Сразу заметим, что, в отличие от упомянутых выше произведений беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в., литературное наследие царя не дает примера сочинения, в котором возможно было бы увидеть полное воплощение сюжетного архетипа евангельской притчи. Именно поэтому правильно будет вести речь о присутствии в эпистолярном творчестве Алексея Михайловича притчевого мотива, а в отдельных его посланиях реминисценций и аллюзий «блудного сына», звучащих в приводимых автором примерах, имеющих аллегорическую природу.

Как отмечает Н. С. Демкова, «мотив “блудного сына” стал общим местом, литературным топосом в сочинениях русского средневековья в тех случаях, когда речь заходила об уклонении от

общепринятой нравственной, социальной или конфессиональной позиции. Поэтому тема притчи, как правило, часто использовалась в обличительных текстах — полемике и в публицистике» [Демкова, с. 136]. Ряд посланий царя Алексея Михайловича органично вписывается в данный контекст и демонстрирует авторское отношение к проблеме рассмотрения человеческой судьбы в современную для него эпоху. Так, например, в царских посланиях нередко случаи, когда Алексей Михайлович на одном конкретном примере совершения адресатом ошибочного поступка, послужившего причиной написания грамоты, показывает вневременной характер человеческого блуждания во мраке своих страстей, призывая к покаянию, дарующему радость обретения истины, отвергнутой необдуманно. С точки зрения Алексея Михайловича как автора посланий, в которых он постоянно выступает в роли духовного наставника своих адресатов, не так страшно падение, как отказ от возможности принести покаяние в совершенном грехе, причиной которого стала гордыня: «Не люто есть вспотыкатца, люто есть вспоткнувся, не поднятца или, угрызнувся, не умытца внутрь, не человекѣско есть вспотыкатца, и сами Ангели поколзнулися» (Послание А. С. Матвееву от 23 января 1655 г.)¹.

В монарших посланиях обращает на себя внимание использование устойчивого стилистического приема — введение в текст послания евангельского источника (чаще всего косвенное цитирование), с помощью которого его составителю удастся выразить главную мысль: царь есть помазанник Божий («сердце царево въ руцѣ Божіи»). Именно на царя возложена ответственность быть наставником для своих подданных, вести их по пути духовного спасения. Долг подданных — быть преданными царю, а значит, исполнять волю Бога, поступать по заветам Евангелия, нарушение которых неизменно приводит к заблуждению в своих помыслах и скитанию по миру, потере дома. Показательными в этом отношении являются послания царя, написанные по случаю бегства в Польшу сына русского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина Воина.

Первое послание, которое в большей мере можно назвать коррелятом притчи о блудном сыне, датировано 14 марта 1660 г.² Причиной написания послания стало бегство в 1659 г.³ сына думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина Воина в Польшу во время Русско-польской войны. Историки XIX в. (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и другие) были единодушны в оценке сына А. Л. Ордина-Нащокина как молодого человека, образованного и воспитанного в традиции европейской культуры. Воин свободно владел латинским, польским, немецким языками⁴. Знание европейских языков обеспечило ему успешную карьеру в дипломатической службе под началом своего же отца. Воину поручалось вести тайную переписку с иностранными корреспондентами. Сохранились сведения, что он также состоял и в личной переписке с самим Алексеем Михайловичем, который покровительствовал отцу и сыну, цenia их способности. «И он, простец, и у нас, великого государя, тайно был, и не по одно время, и о многих делах с

¹ Записки отделения русской и славянской археологии. СПб., 1861. Т. II. С. 726.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1961. Кн. VI. Т. XI, XII. С. 71–73. Оригинальный текст самого послания долгое время считался утерянным. Именно такая версия была в свое время высказана А. М. Панченко, опубликовавшим в 1969 г. послание царя в 15-м томе серии «Библиотека всемирной литературы», обратившись в качестве источника послания к сочинению С. М. Соловьева, который привел его в сокращенном варианте. На сегодняшний день место хранения рукописного источника послания установлено (РГАДА. Ф. 96 (Сношения со Швецией). Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 91–105), и мы можем видеть текст без сокращений, в его полном объеме и с сохранившимися «чернениями государевой руки». Письмо впервые было опубликовано О. Е. Кошелевой в 1996 г. [Кошелева, с. 55–86]. Далее при цитировании письма листы указаны в тексте в скобках.

³ Известны два варианта определения даты бегства Воина в Польшу — это 1659 г. [Седов, с. 545] и начало 1660 г. [Флоря, с. 313].

⁴ Известный путешественник и дипломат Якоб Рейтенфельс в своем сочинении «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» так характеризовал сына А. Л. Ордина-Нащокина: «Нащокин, младший, прославившийся сын великого отца, много лет путешествовал и обозрел почти всю Европу, превосходно владеет, один из всей русской знати, не только латинским, но и французским и немецким языками, хотя эта ученость послужила ему не ступенью к почетному возвышению, а, скорее, препятствием» [Рейтенфельс, с. 160].

ним к тебе приказывали, а такова простоумшленного яда под языком ево не ведали» (Л. 103). «Афанасей Лаврентьевич! В прежних времена люди говаривали про тебя всяко: да одно де у него да добро. Богъ де милует да царь жялует, а и нынѣ милость Божія свыше прежнева, а и мы к тебѣ всякаго добра желаем...»⁵.

Однако молодой стольник В. А. Ордин-Нащокин, чье мировоззрение было сформировано под влиянием европейской культуры⁶ (Воин часто общался с представителями образованного польского дворянства), не мог не очароваться ее плодами. В конечном итоге Воин бежит в Польшу, не видя возможности реализации себя в условиях русской действительности. Историки считают, что одной из причин побега Воина, помимо той семейно-бытовой, о которой упоминает Б. Н. Флоря⁷, явилось именно желание увидеть мир, вырваться за пределы дома своего отца, обходившегося с ним строго.

Польский король Ян Казимир Ваза, приняв под свое покровительство беглого русского дипломата, рассчитывал использовать его в своих целях в военно-дипломатической борьбе с Алексеем Михайловичем. Однако планам польской стороны не суждено было воплотиться. Воин оказался не той фигурой в шахматной игре, которая могла бы привести к победе. Вскоре беглец покидает Польшу, и начинаются его скитания по Европе. Австрия, Франция, Германия, Голландия, Дания — страны, в которых по разным причинам удалось побывать Воину, прежде чем он в 1667 г.⁸ получит разрешение Алексея Михайловича вернуться в Россию, где вновь начнет свою службу. Таков краткий реальный биографический сюжет истории блудного сына — Воина Ордина-Нащокина. Свидетельством раскаяния в совершенном поступке станут послание 1661 г., адресованное Алексею Михайловичу⁹, и письмо, отправленное отцу А. Л. Ордину-Нащокину¹⁰ в 1665 г., в которых он просит милости и прощения за свой проступок. В контексте евангельской традиции данный поступок беглеца становится завершающей фазой сюжета о блудном сыне. В итоге реальный биографический сюжет фактически повторяет схему евангельской притчи и находит свое развитие в письмах царя, адресованных главным участникам этого события: отцу и сыну Нащокиным.

Дружеское послание, адресованное А. Л. Ордину-Нащокину и по своей жанровой разновидности являющееся утешительным, в построении сюжета не пытается следовать традиционной притчевой схеме. Основой послания послужило Слово Василия Великого «О благодарении», к цитированию которого царь активно прибегает по мере развития сюжета послания. Время написания царем своего послания (14 марта 1660 г.) приходится на вторник второй недели Великого поста, когда читается упомянутое выше Слово Василия Великого. Вполне вероятно, что под влиянием особого дня царь как человек, глубоко укорененный в православной вере, не мог не написать иного послания, утешительного по содержанию, своему любимому дипломату, обратившемуся к царю с просьбой об отставке (по сути, совершая покаянный жест).

Послание царя соблюдает все требования эпистолярного канона: и композиционные, и стилистические. Прескрипт послания (его первая, вступительная часть) этикетен с точки зрения стилистики. Однако видеть в используемых словесных клише в начале грамоты при характеристике адресата только лишь формальное соблюдение традиции будет не совсем верно. Послание в

⁵ Записки отделения русской и славянской археологии. Т. II. С. 767.

⁶ Документальные подтверждения европейской образованности Воина приводят в своих работах и современные российские ученые-историки: П. В. Седов [Седов, с. 545], Б. Н. Флоря [Флоря, с. 313].

⁷ «Отец наказал Воина кнутом, по-видимому, за какие-то неблагоприятные поступки» [Флоря, с. 313].

⁸ Б. Н. Флоря по этому поводу приводит следующий документально подтверждаемый факт: «Узнав 30 января 1667 г. о заключении трудами Афанасия Лаврентьевича перемирия с Польско-Литовским государством в Андрусове, царь “указал Воина Нащокина из-под начала свободить и отпустить к Москве”» [Флоря, с. 319].

⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. 1661 г. Ед. хр. 2. Л. 123–124. Несмотря на отсутствие в письме подписи Воина, историки [Кошелева, с. 55–86] уверены в принадлежности покаянного послания именно Воину Нащокину.

¹⁰ Письмо опубликовал Б. Н. Флоря [Флоря, с. 319–320].

первую очередь репрезентует особенности мировоззрения его составителя, в основе которого заложено религиозное понимание природы произошедшего события, уже имеющего аналогию в христианской истории. Можно сказать, Алексей Михайлович как писатель в этом случае органично вписан в книжную традицию, видит изображаемое им событие в контексте евангельского текста. Используемые в начале послания устойчивые словесные формулы выполняют определенную литературную функцию — с их помощью создается образ адресата А. Л. Ордина-Нащокина как идеального христианина: «...наипаче ж христолюбцу и миролюбцу, еще же нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводе Афанасью Лаврентьевичу Ордину Нащокину от нас, Великого Государя, милостивое слово» (Л. 91).

Последующая повествовательная часть послания (семантика) вкратце сообщает о событии бегства сына А. Л. Ордина-Нащокина в Гданьск, в большей мере акцентируя внимание на эмоциональном фоне письма, достигаемом за счет словесных фигур, имеющих библейские корни. В центральной части послания Алексей Михайлович изображает эмоциональное переживание отца, пребывающего в состоянии печали.

«Учинилось нам, Великому Государю, ведомо, что сын твой попущением Божиим, а своим безумством об[ъ]явился во Гданске, а тебе, отцу своему, лютую печаль учинил. И тоя ради печали, приключившейся тебе от самого сатаны и, мною, что и от всех сил бесовских, изшедшу сему злому вихру и смятоша воздух аерны [й] // и разлучиша и отторгнуша напрасно сего доброго агньца яростным и смрадным своим дуновением от тебе, отца и пастыря своего. И мы, Великий Государь, и сами по тебе, // верном своем рабе, поскорбели, приключившейся ради на тя сея горкия болезни и злаго оружия, прошедшаго душу и тело твое. Ей, велика скорбь и туга воистинно! Си узнец жалостно раздробляетца и колесница плачевно сламляетца» (Л. 91–93).

В то же время рассмотрение послания в контексте притчевой традиции о блудном сыне позволяет выявить отличительные приемы, используемые автором при изображении и оценке события, имеющего аналогию в евангельском первоисточнике. Как известно, ключевой темой притчи является тема радости, показанной в финальном эпизоде встречи отца и сына. «В научении всем слушающим Христос и рассказывает эту притчу, содержащую основной смысл его учения, — необходимость искреннего прощения, ликования при покаянии грешника, возвращающегося к отцу» [Демкова, с. 139]. Как показывает дальнейшая история развития событий, именно по этой схеме и завершилось скитание Воина Ордина-Нащокина: «блудный сын» был прощен.

В своей же «истории» блудного сына Алексей Михайлович смещает акцент на первый эпизод известного евангельского сюжета, усиливая тему скорби родителей от потери единственного сына. Царь, утешая отца в горе, постигшем его, уверен в том, что сын, поскитавшись по свету, обязательно возвратится в родной дом: «А он человек молодой, хочет создания владычня и творения рук Ево видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо, и полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает... (строка утрачена — сохранилось «прикосновением бла...») // сердцу его Сына слова Божия, воспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от Святого Духа во святой купели, он к вам вскоре возвратитца» (Л. 103а–104)¹¹.

Таким образом, начальный и финальный эпизоды одной сюжетной схемы «блудного сына», но представленные в разных текстах, выстраивают единую картину переживаемых героем эмоций. Становится возможным увидеть развитие и изменение эмоционального мира героя от переживания горя до обретения радости от встречи с сыном в будущем. «Воистинно Бог с тобою есть и будет во веки и навеки, сию печаль той да обратит вам [вскоре]¹² в радость и утешит вас вскоре. А что будет и впрямь сын твой изменил, и мы, Великий Государь, его измену поставили

¹¹ Возвращение произошло в 1665 г.

¹² Текст скобках в оригинале зачеркнут.

ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил» (Л. 102).

Использование же в основной части послания значительных фрагментов из библейских источников позволяет Алексею Михайловичу более точно нарисовать психологический портрет отца и в то же время придает посланию не только утешительный, но и учительный характер. Отец, потерявший сына, сам также должен найти в себе силы, чтобы вновь обрести веру, вступить на путь истины и исполнять свой долг перед царем. «Что же, по сетовании, творим ти воспрянути от печали, что от сына, и возложить печаль на волю Божию. А нежели в печаль впадати или воскочити яко еленю на источники водныя, тако и тебе, отставя печаль и вборзе управитися умныма очима на заповеди Божии и со всяким благодарением уповати яко же и Василий Великий, еже благо есть на Господа уповати, нежели на се помышляти» (Л. 95). Печаль и уныние как греховные страсти сбивают человека с пути, отвергают его от Бога. «И тому мы, Великий Государь, вельми подивляемся, что вихра бесовска в мале нашедшага на тя, убоялся, // а Божию помощью отставил, и то в забвении положил как в мимошедшее время Дух Святой во святей церкви вас обоих соединил и тело и крови Господни вместе сподоби[л] принята и уже на земле глас снабдевает и не забывает. Колми паче душу заблудящую и изгибшую может вскоре возвратити на покойание — и учинити в первое достояние. Почто в такую великую печаль и во уныние (токмо веруй и уповай!) чрезмерные вдал себя?» (Л. 99—99а). Эта тема как раз и звучит в тех фрагментах, которые царь заимствует из книжных источников и помещает в своем послании.

На библейских аллюзиях и символах построено и ответное послание царя¹³, адресованное Воину. Царь принимает покаяние блудного сына («челобитье твое приняв, милостиво прощаем») и готов забыть его поступок, совершенный необдуманно и по глупости, но принесший отцу страдания. В отличие от покаянного письма Воина, которое стилистически сдержанно и носит официальный характер (а по-другому и быть не могло), послание Алексея Михайловича, как и в случае с ответом Афанасию Ордину-Нащокину, метафорично. Ключевым символом становится образ дерева и ветви, отломанной от него: «Сего ради не смущайся, аще ветвь пала, но древо непоколебимо, корень бо есть водрузися на твердой земле. А за отдалением ветрозыблущия ветви не имей себя отрезана быти, и древа сим подпором нашего милостиваго обнадеяния подкрепляем буди. Абие плод приносил бы ся не во уничижению оному древу. Ведаешь, где родился есть и воспитан и вырос и чево учон не зло творити»¹⁴.

Алексей Михайлович в эпистолярной ситуации с Воином Нащокиным и его отцом выходит за границы известной для древнерусской традиции дискурсивной практики — выражение отрицательного отношения к совершенному поступку, который не мог быть оправдан. Беглец на Запад в русской традиции всегда воспринимался и оценивался как изменник не только царю (помазаннику Божьему), но и самой православной вере. Таким образом, скиталец по западным странам заведомо обрекал себя на гибель. Напомним, что одним из ярких и показательных примеров здесь является эпистолярная полемика между Грозным и Андреем Курбским [Калугин]. Нельзя сказать, что во второй половине XVII в. ситуация кардинально могла поменяться в оценке поступка беглецов — «блудных сыновей». В ситуации с Воином видим совершенно другой вариант, нехарактерный для традиции. Алексей Михайлович и как правитель, и как писатель, осмысливающий и оценивающий произошедшее событие, своими действиями сам вписывается в евангельский сюжет в образе всепрощающего отца, принимающего раскаяние блудного сына (примечательно, что оба Нащокиных (отец и сын) обратились к царю с покаянными письмами).

История «блудного сына» XVII в. в русской литературе переходного периода найдет свое воплощение в беллетристических повестях, одной из которых является «Повесть о Фроле

¹³ РГАДА. Ф. 27. Ед. хр. 197. Л. 3—4. Текст послания был опубликован: Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. II. С. 768—769.

¹⁴ Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. II. С. 768.

Скобееве». В отечественной медиевистике долгое время была распространена точка зрения, согласно которой событие, случившееся в семье А. Л. Ордина-Нащокина в начале 60-х годов XVII в., со временем могло приобрести легендарный, устно-поэтический характер, подвергнуться трансформации, став завязкой сюжета русской анонимной повести конца XVII столетия. Как известно, события «Повести о Фроле Скобееве» происходят в новгородском уезде в доме стольника Ордина-Нащокина, у которого дочь Аннушка, соблазненная дворянином Фролом Скобеевым, совершает побег из отчего дома. Однако П. В. Седову [Седов, с. 542–548] удалось доказать, что в основу сюжета известной русской повести положена реальная история, героиней которой являлась дочь стольника Воина Ордина-Нащокина, так же, как когда-то и ее отец, нарушившая семейный закон. Так, например, П. В. Седов называет реальных исторических героев, которые послужили прототипами персонажей русской повести, и проводит параллели между событиями в судьбах исторических героев с сюжетными линиями «Повести о Фроле Скобееве». Обнаруженные исследователем новые исторические факты позволили ему прийти к заключению, что «литературный сюжет Повести является частью истории семьи Воина» [Седов, с. 546].

Однако, несмотря на разную нарративную природу одного события (историческая и литературная), безусловно, выходящего за рамки христианской морали и получающего свое воплощение в плутовской новелле (как определяют жанровую природу повести) конца XVII в., построение ее сюжета сохраняет признаки притчевой традиции, причем со стороны сюжетной линии не только главного героя, но и второстепенного персонажа, каким и является «блудная дочь» Ордина-Нащокина, в конце повести вместе с Фролом Скобеевым прощенная отцом и возвратившаяся в его дом. Так реальный историко-биографический сюжет, связанный с семьей Воина Ордина-Нащокина, осмысленный в переходный период русской культуры в традиции евангельской притчи, приобретает литературный характер.

Вполне резонно возникает вопрос: в чем заключается литературная оригинальность «царского» варианта евангельского мотива о блудном сыне и какую роль он играет в историко-литературном контексте эпохи переходного времени? Ответы и объяснения на поставленные вопросы могут быть получены, если постараться применить в данном и последующих случаях идеи М. М. Бахтина о «памяти жанра», «диалоге». Как известно, М. М. Бахтин литературный жанр не рассматривал только как некую монолитно существующую форму. Жанр — это «единица речевого общения» [Бахтин, с. 250–258], форма высказывания. В связи с этим каждая эпоха вырабатывает свои формы высказывания («речевого общения»), но делает это не только на основе ранее уже сформировавшихся текстов, но и с привлечением новых, только складывающихся моделей речевого высказывания, культурной коммуникации. История «блудного сына», представленная в посланиях Алексея Михайловича, демонстрирует в данном случае такое явление, как «языковая память», подробно изложенное в исследованиях Б. М. Гаспарова. С точки зрения ученого, слово «...не существует в языковой памяти в качестве изолированного и самодостаточного языкового объекта. Оно мыслится в составе множества коммуникативных фрагментов, каждый из которых, в свою очередь, способен разрастаться в более пространные выражения, втягиваясь в состав целых потенциальных сюжетов, тематических и жанровых полей» [Гаспаров, с. 249]. А это, в свою очередь, порождает и определенную культуру восприятия текста аудиторией (читателем), способной или неспособной вести диалог с автором, понимать или отвергать предлагаемый им текст.

Таким образом, послания Алексея Михайловича, рассмотренные нами, несут в себе «память жанра», «языковую память» и настраивают на определенную ситуацию эстетического переживания адресата. Однако это не значит, что первоначальный вариант текста (евангельская притча) не может быть подвергнут изменению в авторской переработке. Примеры рассмотренных эпистолярных сочинений с присутствующим в них мотивом блудного сына наглядно демонстрируют

процесс трансформации сюжетного образца в литературе переходного времени, что, в свою очередь, привело к порождению в последующие периоды русской литературы новых «речевых высказываний» со знакомым сюжетом и мотивом блудного сына.

Литература

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие. Сб. научных трудов / Под ред. Е. К. Ромодановской, В. И. Тюпы. Новосибирск, 1996.
- Габдуллина В. И. Мотив возвращения блудного сына в романах И. С. Тургенева // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск, 2013. Вып. 8. С. 135—150.
- Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Демкова Н. С. Евангельская притча о блудном сыне и ее русские интерпретации XVII века // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 135—147.
- Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2012. Вып. 7. С. 25—31.
- Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.
- Кошелева О. Е. Побег Воина // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 55—86.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. III.
- Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии / Ред. и пер. А. И. Станкевича. М., 1906.
- Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
- Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
- Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2003. Вып. 1.
- Флоря Б. Н. Путешествия Воина Нащокина (в приложении Письмо Воина Нащокина отцу) // Средние века. 2010. № 1—2. С. 313—320.
- Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. Вып. 3. С. 151—159.